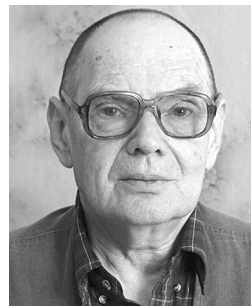

Валерий Скобло

ДЕВЯТЫЕ ВРАТА

* * *

Я столько книг уже не прочитаю,
Наверное, хороших очень книг.
Я дань не отдал Индии, Китаю...
Теперь уж поздно... в общем, я – старик.

С другой-то стороны...
С восьмой... десятой,
Представить трудно, что могу найти?
Какая со стороны этой мятой
Мне воссияет истина в пути?

Теперь путь избран...
Избран только мною,
Сомнений чаша выпита до дна.
Да, истина могла бы быть иною,
Но выбрана – передо мной она.

И там... в конце, терзаясь от изгнания,
Припасть к вовек незапертым вратам...
Тесны врата,
И узок путь познания.
Минуешь те врата, а там...

* * *

Оттесняемый к самому краю
Мощным плотным потоком машин,
Я иду потихоньку. Не знаю,
Сколько стоит сегодня бензин.

Под старинный мотивчик бреда я,
Сам себе напеваю под нос.

Пролетают машины, газуя –
Только камешки из-под колес.

Так и прут, ошалевши от давки,
Под откос пешехода тесня.
Их проблемы – посты и заправки
Как-то слабо волнуют меня.

Их ухабы, гаишники, пробки,
Переезды, заторы у дач,
Передач хитроумных коробки...
...Век бы мне не узнать передач.

Облака над шоссе выхлопные...
Сушь, дожди...
Хоть всемирный потоп –
В будни, праздники и выходные
Не слабеет железный поток.

Дальнобойщики гонят вдоль трассы,
Мерседесы и джипы – атас!
Мы, наверное, разные расы,
Есть ли общее что-то у нас?

Я иду и пинаю жестянку,
Выбираю я: тьма или свет...
Интересно, а сев за баранку,
Изменился бы я или нет?

...Не мешали мне, как ни нагтели,
Обгоняя меня, дурака...
Впрочем, кто доберется до цели,
Не сказал бы я наверняка.

* * *

Сколько хватит мне силы и мужества
Среди сломленных, слабых, больных
Не застыть от тоски и от ужаса
На просторах Твоих ледяных,

Где с мечтою о солнечном лучике
В темном царстве с разливами рек
С топором и в негодном тулупчике
Бродит страшный лихой человек.

Вот раздолье угрюмым историкам:
По земле, не знакомой с сохой,
Этот самый... в рванье и с топориком...
Так и бродит – лихой и бухой.

Снеговая, бескрайняя, топкая...
Что искал здесь святитель Андрей?
Этот самый... всё топчется, топая,
У избушки без всяких дверей.

Что я здесь? Буреломом... сугробами...
Без пищали, шубейки, огня?
А мужик – всё кругами... с притопами,
И... топорик смущает меня.

Вот уж скоро Тебя я порадую
И молчанием встречу правёж.
Надели меня Вечною Правдою,
Обличающей всякую ложь.

Перед тем, как всё вихрем закружится,
И увижу отца я и мать,
Дай мне сил, укрепи мое мужество,
Чтоб за правду Твою постоять.

СТАРИК

Всё реже выхожу.
Люблю смотреть из окон.
На встречи всякие забил. Ценю покой.
Всё больше становлюсь я мизантропом –
Угрюмый... необщительный такой.

Успехи мало я ценю.
Не ставлю в грош их.
Да об успехах, в общем-то, и нет вестей.

Еще прошу: ужасных ли, хороших –
Не надо никаких мне новостей.

Мой телевизор весь завешен паутиной,
Смотрел боевики – да вот совсем отвык.
Когда я вижу, что зарос щетиной,
Тогда и бреюсь.
В общем, я – старик.

Но никаких таких особенных терзаний
Я, это как-то осознав, не испытал...
Наш дом стоит в ряду таких же зданий,
Асфальт, кирпич,
проржавленный металл.

Жену почти что и не слушаю. Не слышу.
Зато я слышу, как трамвай летит, звеня.
Гляжу в окно.
На двор, на дом, на крышу,
На стариков, похожих на меня.

Но иногда, хотя и редко, рвутся сети –
Тогда кому-то в небе пальцем я грожу,
Но вряд ли Он увидит знаки эти,
Поскольку я всё реже выхожу.

* * *

Торжество предстоящее Разума
Предвещало нам множество схем,
Но случилось не то, что предсказано,
Вопреки построениям всем.

И про Равенство всё обстоятельно
Разъяснили нам до мелочей,
А уж Братства святого касательно...
Так в ушах и журчит, как ручей.

В этом царстве без гнета и хворости
Будешь счастлив – велик или мал,
И его наступлением вскорости –
Лишь ленивый нас им не прельщал.

Храм Любви, как восхода свечение,
Столько раз перед нами возник...
Но туда – обстоятельств стечение –
Не нашелся пока проводник.

В это царство Свободы и Истины,
В царство Света, Любви и Добра
Звали книжки... листовки и листики –
Всё без пользы... видать, не пора.

И туда, к торжеству Справедливости,
За собою звал каждый второй,
Призывая в пути к терпеливости...
Да в пути и терялся герой.

А уж сколько философов с рвением
Преуспело на этой стезе,
Одарив нас своим откровением
В буре, вихре страстей и грозе.

...Вот сейчас над Европой и Азией
Воссияет божественный свет...
Не совсем обделен я фантазией,
Но поверить?.. На старости лет?..

А уж в то, что спасут нас теории
И извечный рассеется мрак,
После горьких уроков истории
Только полный поверит... чудак.

Но без разницы –
С чувством, без чувства ли –
Надоел перепев этих тем:
Повторять за Пилатом без устали,
Что оно не наступит совсем.

Лучше молча следить с упоением
За проникшим сквозь тучи лучом,
Думу думая с вечным терпением
В это время совсем ни о чем.

* * *

Не хочу вникать во всё детально,
Но скажу тебе в который раз:
Как это прекрасно и печально,
Что никто... никто не знает нас.

В целом свете, малом мире этом
Неприметны наши имена.
Дело не исправишь Интернетом,
Да и слава разве нам нужна?

Помнишь – мы мечтали о счастливом
Мире, где любой другому брат,
Истинном – простым и справедливым...
– Что есть истина? – Его спросил Пилат.

Я б ему ответил... Слава богу,
Не меня прославил шум молвы.
Даже эту краткую дорогу
Я б достойно не прошел... увы.

Силу или слабость, так уж вышло –
Выбирать пришлось тебе и мне.
Помнишь, «С кем вы?..» –
Он спросил чуть слышно
В гулкой неподвижной тишине.

Да... негромко – залу дрожь пронзила.
Слава богу, не было нас в ней.
Но, ты знаешь, есть у слабых сила,
В чем-то силы сильных посильней.

...Я не знаю, что такое счастье,
Но встречался с ним и не во сне,
Потому что жалость и участие
Все-таки на нашей стороне.

* * *

Ослепительный вихрь
Обжигающей боли и страха...
Никогда не сдавайся,
Не верь, что ты горсточка праха.

Ты уйдешь – и в ночи
Станет больше одною звездой.
Никогда не сдавайся,
А звезды всегда над тобою.

Братья-звезды мои,
Сторожащие душу ночами,
Благодарен за всё вам,
Теперь тоже буду я с вами.

...У порога стоишь
И не ждешь никакого ответа
В молчаливом мерцанье
Холодного звездного света.

* * *

Я всё менее склонен
 Отыскивать первопричины,
 Находить, кто заказчик?..
 Каким преступленьям виной?
 Псевдонимы желания нет
 Посрывать и личины –
 Ну какая мне разница,
 Кто у кого за спиной?

То ли вправду
 Историей всей заправляют масоны,
 Или кто-то другой
 Нам ниспослан
 «За наши грехи» –
 Розенкрейцеры, иезуиты... –
 Их тьмы... легионы...
 Ну какая мне польза
 От той ли, другой чепухи?

Есть порода людей,
 Зачарованных речью своею,
 И в себе и в других
 Порождающих
 Форменный страх...
 Я теперь научился...
 Вполне различать их умею
 По стеклянному блеску
 В сияющих круглых глазах.

О, махатмы небесные,
 Шамбалы вечной владыки,
 Мэри Дэви Цвигун,
 Братства белого мудрая мать,
 Вы явите нам явно
 Свои расчудесные лики –
 Мы созрели вполне
 И готовы, склонившись, внимать.

Свои тайные козни доверьте
 ТВ и газетам –
 Пусть поднимут они
 Свои рейтинги и тиражи.
 Время вышло совсем,
 И по всем очевидным приметам
 Человечество в целом
 И каждая особь – дрожи.

Проникают везде
 Эти грозные щупальца спрута...
 Грустно я улыбнусь,
 Ну, а вам, погляжу, не смешно.
 Если где-то мятеж,
 Если где-то какая-то смута,
 Это явно – ОНИ,
 Под поверхностью точно – ОНО.

Человеческой глупости
 Заговор тайный, зловещий
 Племена и народы встречают,
 В литавры звеня,
 И ликуя вполне...
 Это всё очевидные вещи...
 Но одно хорошо,
 Что уже без меня...
 Без меня...

* * *

В тот год события шли в таком избытке,
 Что к лету труд мне стал совсем не мил.
 Бывало, подходил к своей калитке
 И... забывал, зачем я подходил.

Ленился я, и летние досуги
 Провел в тиши, косою не звеня.
 Признаюсь, что прелестные подруги
 В гостях бывали редко у меня.

Такою мыслью жизнь была согрета:
 Полоть и сеять – что мне за нужда?
 Хозяйственная деятельность Фета,
 Сказать по правде, крайне мне чужда.

Пошли дожди, и стало вдруг ненастно,
 Настал сентябрь, и кончилось тепло.
 И понял я, что лето не напрасно
 И не случайно у меня прошло.

* * *

Сквозь небесную твердь
 Я, мне кажется, тропку нашупал,
 Через тернии к звездам...
 И дальше... за огненный купол.

За изнанку небес,
С их мерцающей бархатной тканью.
Посмотреть, что же за
Иллюзорным пределом – за гранью.

По алмазным ступеням
Без всякой опоры и края.
Прочь из этого мира...
Никому
Ничего
Не прощая.

* * *

Я в этот день березы выкорчевывал,
Горячим летним солнышком палим.
Наряда их зеленого парчового
Я не жалел... Что мне березы? Что я им?

Я удивил соседей всех в окрестности,
Участок свой хоть чем-то одарив:
Я посадил потом на этой местности
Кусты сирени и десяток ранних слив.

А выживут – себя я разве спрашивал?
Но честно их обильно поливал.
Любой росток искал участка нашего:
Он беззащитен, как ребенок... сир и мал.

Потом... и если повезет немножко мне...
Приснится мне и этот летний день,
Поселок наш с грунтовыми дорожками...
Сирень и слива... Слива и сирень.

Китайско-персидские мотивы

* * *

Дорогой господин наш Фу-юнь,
Что сказать про прошедший июнь?
Ливни шли, протекла наша фанза –
Щели в крыше, хоть руку просунь.

А в июле – сплошная жара,
Высох рис, и стеной мошकारа –
Нос не высунуть, съест без остатка...
Не исчезла и в крыше дыра.

Ну, а в августе – ливни и зной.
Наш сосед – оптимист записной.
Он терпел – но не выдержал больше
И сбежал с деревенской казной.

Это лето – как дикий бамбук:
Под напором его не испуг,
А отчаянье в сердце вползает,
И перо выпадает из рук.

Записав на одном из листов:
«Вся земля – в норках ос и кротов», –
Я увидел, что лист тот – последний,
И подумал, что к смерти готов.

* * *

Ночью проснешься –
И надо прожить до утра.
Тьма за окном многоглазую мнится,
Стокрылой.
Эта слепая, глухая ночная пора
Дольше протянется
Жизни твоей опостылой.

Звука дождешься ли,
Лучика света впотьмах,
Молнии сполоха дальнего
С призрачной свитой?
Этого чистого черного бархата взмах
Слезы твои утереть,
Капельки жизни разбитой.

Нет, до рассвета дожить не тебе повезет,
Не сейчас.

Сердце замрет на мгновенье,
И замершим сердцем послушай:
Это ведь только без всяких
Обычных прикрас
Вечности кроха
В сознание померкшем блеснувшей.

* * *

До озера шагом – пятнадцать минут.
Берег пуст... никого... Дождливая осень.
Тихие голоса, что меня зовут,
Там тише – их в сторону ветром относит.

Звуки речи ушедших мне не страшны,
Их не боюсь ни наяву, ни во сне я...
Я родился немного после войны
И знаю: живые намного страшнее.

Ну, зовут – и ладно... я скоро приду.
Думаю, я вряд ли кого-нибудь встречу.
Мне голоса – шелеста ближе в саду,
Зову умерших я ничего не отвечу.

Непонятно, зачем приоткрыли дверь?
Им не нужно ответа сейчас... до срока.
Но одно я хотел бы узнать теперь:
Неужели там будет так одиноко?

Дождь завелся надолго. И я, и сад,
Лес и берег внимаем его рассказу...
Я таким уж родился – смотрел назад,
Но вернуться назад не просил ни разу.

Прожил жизнь...
Итог подводить не врачу.
Вряд ли так, как надо: легко и отважно.
На прощание вот что сказать хочу:
Я любил тебя... Это теперь неважно.

* * *

В России томиться в остроге –
Вполне рядовой вариант.
Там сгинул в конечном итоге
Столь многих и дар, и талант.

«Записки из мертвого дома»
Намедни я перечитал.
Болезненно это знакомо:
Зайди на тюремный портал.

Ничто не меняется в мире.
Да, правда, сейчас не секут.
Но лишь намекнут, и в сортире
Утопят за пару минут.

И некто, писателя вроде,
Всё так же, утратив покой,
В тюремной заплатанной робе
На каторжных смотрит с тоской.

Мол, злы, и жестоки – а люди,
Как лет полтора назад,
С мечтою о счастье и чуде,
И грезой – забыть этот ад.

И вот он вострит карандашик,
Строчит в свой убогий блокнот,
Руками, задумавшись, машет,
Бормочет... и пишет... и рвет.

...В душе безнадежно от мрака,
И боль не омыта слезой.
А этот случайный писака
Здесь лишний совсем и чужой.

* * *

Осень – и в пустыне тоже осень.
Вихрь песчаный... кровь стучит в висках.
Не найдут они тебя, Иосиф,
В этом рву, затерянном в песках.

Ищут ли, сюда во гнев бросив?
Ты о них пока что позабудь...
Лишь бы Бог узрел тебя, Иосиф,
Всё и утрясется как-нибудь.

Красота – не лучшая подмога.
Быть любимым – худший вариант.
С братьями расходится дорога,
Путь их ясен: скот и провиант.

А твоя – туда, где пирамиды...
Сфинксы берегут покой дворцов...
Впрочем, что тебе все эти виды?
Крепче пирамид – завет отцов.

Погибай во рву...
Прощай, сновидец.
И восстань в темнице ото сна.
Я всего лишь слабый очевидец,
Как и ты, прошел путем зерна.

Эти карты с детства мне знакомы.
Господи, и что я там искал?..
Я листал роскошные альбомы
С видами равнин и диких скал.

Знал я, где Синай и Палестина,
Представлял, где были рай и ад...
Ведал, где Хевронская долина,
Где Сихем, Дофан и Галаад.

Сны какие вижу, боже правый!
Кто же я: провидец или псих?
Напоен их сладкою отравой...
Никому нельзя доверить их.

Я молчу – не обвинишь в обмане,
Пью ночной таинственный отвар.
Кто я там у Господа в кармане,
Знать бы: виночерпий? хлебодар?

Мне известна злая власть закона –
Знак подаст, оковами звеня...
Милости и кары фараона
Да минуют, Господи, меня!

* * *

В Библии о рае и об аде,
Как ни странно, очень мало слов.
Мысль о наказанье и награде
Не терзала древних мудрецов.

Мало справедливость занимала?
Нет, наоборот оно как раз!
Как они Молоха и Ваала
Обличали... Аж до искр из глаз.

Дело всё же, видимо, не в этом,
Может, не хотели так... сплеча.
Надо мудрецом быть и... поэтом,
Чтобы не судить нас сгоряча.

Обошлись без выводов поспешных,
Отрешась от нам привычных грез:
Нет ни шибко праведных, ни грешных
В этой вечной колыбели слез.

* * *

Есть путь у зла, он прям и широк,
Он раньше других возник.
А у добра много троп и дорог,
И все, как одна, в тупик.

Идти столбовою дорогой не в лом,
Не стоит большого труда.
Рядом с дышащим жарко злом –
Оно не предаст никогда.

Тягаться узеньким тропкам добра
С трассою зла? – Да брось...
Извилистым... гибким, как плоть ствола...
Бегущим и кривь, и вкось.

* * *

Всех, в кого был в детстве влюблен –
Аню, Лилию, Алю и Ксюшу –
Помню с тех далеких времен,
Чем-то это греет мне душу.

Лето, мелководье, сосняк...
Выстрел в сердце из небесного лука.
Ну, конечно, это пустяк...
Жизнь вообще пустяковая штука.

Тральщики, и в небе – У-2,
Дальний Котлин... небо без края...
Помню, как сейчас, и... едва.
Нет, вернуться не хотел бы туда я.

Кличку не приму – дезертир.
Девочки, прощайте навеки...
Как же горек и горяч этот мир,
Что за солнце пробивает мне веки!

Света ослепительный сноп.
Пусть мне в грудь стреляют – не в спину.
Здесь – и только здесь мой окоп,
Я его живым не покину.

* * *

Про брата, начальника, мать...
Мне скучно и тяжело про это –
И слушать, не то, что писать.
Пусть будет не мною воспета

Чужая, недобрая жизнь...
(Ох, век не вникал бы в детали),
Которой гудят этажи,
Она мне понятна едва ли.

Соседи ко мне всей душой,
 Излить ее разом готовы...
 Но слушатель я небольшой,
 Рассказчик тем более – что вы?

Так нет же – про брата жены,
 про тещу, про мужнина брата...
 Мне даром, друзья, не нужны
 Все тайны и тонкости брака

И ваши... и ваших детей.
 Не мне открывайте секреты.
 Помочь? – не имею идей,
 И редко даю я советы.

Но нет – про золовку, сноху
 (Еще бы мне знать, кто такие?),
 И все это липнет к стиху...
 Непросто поэту в России.

* * *

И задумавшись – в кои веки –
 Я не сразу в ответ скажу,
 Кто мне ближе – древние греки
 Иль соседи по этажу.

Очевидно совсем не сразу
 За слепящим мельканьем дней,
 Кто роднее мне – техник по газу
 Иль мечтательный Одиссей?

Головою бейся о стену,
 Избавляясь от всех химер:
 И про Трои и про Елену,
 И – про нас – написал Гомер.

Притворяясь, что европеец,
 Улыбается мне хитро
 Мой случайный попутчик-ахеец,
 С кем я еду сейчас в метро.

Чей он лучник и чей лазутчик?..
 Что ж, укрой его, жилмассив.
 И – удачи тебе, попутчик,
 У ворот семивратных Фив.

* * *

Все мы скоро умрем,
 Кто чуть раньше, кто чуточку позже.
 На прилив и отлив –
 Вот на что это, правда, похоже.

Примет нас океан,
 Станем просто волной в час отлива.
 Скольким людям вокруг
 Будет зябко без нас, сиротливо?

Да хотя бы один
 Улыбнулся, волну провожая,
 Словно эта волна –
 Не совсем его жизни чужая.

Нет, не чувствую я
 Сопричастность свою океану,
 А за мысли его обо мне
 Я ручаться не стану.

До того ли ему,
 Как мы здесь, на земле, одиноки,
 Но, возможно, он ведает
 Нам отведенные сроки.

То мгновенье, когда
 Он плеснет, нас встречая, ответом,
 И мы станем лишь каплей,
 Наполненной солнечным светом.

Посмотри же в лицо
 В берег бьющему грозно прибою,
 Как бы ни было нам
 Бесприютно и горько с тобою.

